

III.

Занятіе русскими войсками пограничной турецкой территоріи продолжалось уже три мѣсяца, когда Порты, словно опомнившись, вдругъ объявила войну Россіи. Между тѣмъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Портѣ, также какъ и въ занятой русскими войсками части турецкой территоріи, не произошло ничего такого, что могло бы вызвать въ Константинополѣ столь внезапный поворотъ въ сдержанной политикѣ, первоначально принятой Диваномъ. Разгадку тайныхъ побужденій, вызвавшихъ эту перемѣну, надо искать только въ самомъ Константинополѣ, а именно во вліяніи, производимомъ на Порту западными державами, особенно Англіею. Только ихъ интересамъ соотвѣтствовала рѣшительная мѣра, внезапно принятая Диваномъ. Западнымъ сосѣдямъ не оставалось другого средства, какъ побудить Турцію къ объявленію намъ войны, чтобы оправдать явное нарушеніе ихъ флотами трактата 1841 года, только въ случаѣ войны разрѣшавшаго европейскимъ эскадрамъ проходъ чрезъ Дарданеллы. Съ другой стороны, для Порты исчезало тогда всякое опасеніе внезапнаго появленія Черноморскаго флота предъ Константинополемъ или внезапной высадки сильнаго отряда русской арміи, у входа въ Босфоръ, на незначительномъ разстояніи отъ столицы. Между тѣмъ, 13-го сентября 1853 года, получено было въ Одессѣ приказаніе перевезти на кавказскій берегъ 13-ую дивизію съ ея артиллеріею, полнымъ обозомъ и 800 лошадьми, а 24-го сентября вся эта сила уже была высажена за 400 миль,

на суровый берегъ Анакріи, средствами одного паруснаго флота, при помощи лишь семи пароходовъ, изъ коихъ одинъ только былъ въ 400 силъ! *) Понятно, до какой степени подобное доказательство силы, дѣятельности и знанія своего дѣла со стороны нашего флота и подвижности нашей арміи должно было содѣйствовать развитію у Турокъ и Англичанъ опасенія насчетъ неожиданнаго десанта русскихъ войскъ въ Босфоръ...

Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эти опасенія турецкихъ и англійскихъ политиковъ и были *единственною причиною* той сдержанной умѣренности, которую Порта, сдаваясь настояніямъ, *преимущественно, англійской дипломатіи*, выказала по вопросу о занятіи Дунайскихъ Княжествъ русскими войсками. Не только въ Петербургѣ, но и въ Берлинѣ эти настоянія лондонскаго кабинета на необъявленіи Портою войны Россіи за занятіе Княжествъ были прославлены какъ доказательство «умѣренности и миролюбія» Англіи, что и способствовало поддержанію у насъ довѣрія къ ней! Между тѣмъ, изъ сличенія чиселъ оказывается, что именно то же опасеніе (а никакъ не небывалыя въ то время угрозы Россіи) было истинною причиною внезапнаго отправленія — опять-таки *по инициативѣ лондонскаго кабинета* — англійскаго и французскаго флотовъ въ Безикскую бухту. Что эта рѣшимость лондонскаго кабинета не могла быть вызвана *единственною* угрозою, выраженною въ то время Россіею Портѣ и заключавшеюся въ нотѣ графа Нессельроде отъ 30-го іюня, — доказывается уже тѣмъ, что нота была получена въ Константинополь въ тотъ день, когда союзныя эскадры, послѣ труднаго плаванія,

*) Въ *Морскомъ Сборникѣ* 1855 года (№ 2) г. Шестаковъ привелъ въ параллель этотъ десантъ съ высадкою союзниковъ въ Крыму и отдалъ безусловное преимущество первому, такъ какъ союзники, располагая 100 пароходами, не считая громаднаго паруснаго флота, приготовлялись въ Варнѣ три мѣсяца, чтобы пройти всего 200 миль. Авторъ статьи, И. А. Шестаковъ (нынѣ контръ-адмиралъ) началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ, подъ руководствомъ Лазарева, и неоднократно командовалъ судами. Имя г. Шестакова извѣстно въ морской литературѣ.

бросили якорь въ Безикской бухтѣ; самое же приказаніе Дундасу отправиться въ Безику было отдано 2-го іюня, когда объ этой нотѣ никто еще не имѣлъ никакого свѣдѣнія. Но пока Россія цѣлый мѣсяць колебалась исполнить свою угрозу, союзники, отправленіемъ флота въ Безику, даже не предупредивъ о томъ Россію, уже не грозили, а прямо приняли относительно насъ явно враждебную мѣру, вліяніе которой, конечно, не могло не положить предѣла колебаніямъ петербургскаго кабинета.

Таковы истинныя побужденія, вызвавшія со стороны Порты объявленіе войны. Оно состоялось лишь тогда, когда союзные флоты, наскоро выступившіе въ дальній походъ, успѣли въ Безикской бухтѣ вполнѣ снарядиться на войну, и затѣмъ *прошли* чрезъ Дарданеллы. Нельзя не обратить вниманія на тотъ знаменательный фактъ, что проходъ ихъ чрезъ Дарданеллы, вопреки трактату 1841 года, *не послѣдовалъ за объявленіемъ Турціею войны, а предшествовалъ ему*. Союзники знали, что, при господствовавшихъ въ то время сѣверныхъ вѣтрахъ въ Черномъ морѣ, въ Константинополь можно было гораздо скорѣе поспѣть русскому флоту изъ Севастополя, чѣмъ союзному изъ Безики. Но русскимъ главнокомандующимъ въ Дунайскихъ Княжествахъ и за Кавказомъ Порта не сдѣлала офиціальнаго заявленія объ объявленной войнѣ. Вотъ почему, въ Азіи, Турки вездѣ могли захватить Русскихъ врасплохъ, пока турецкій манифестъ, кружнымъ путемъ чрезъ Вѣну, слѣдовалъ въ Петербургъ. Только на Дунаѣ, два дня спустя послѣ объявленія войны, 27-го сентября (6-го октября), турецкій главнокомандующій Омеръ-паша предупредилъ русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, письмомъ, что, въ случаѣ неочищенія Дунайскихъ Княжествъ, въ *двухнедѣльный срокъ*, турецкая армія откроетъ военныя дѣйствія. Князь отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ приказаній вступать въ переговоры ни о мирѣ, ни объ открытіи военныхъ дѣйствій, ни объ оставленіи Княжествъ; между тѣмъ, 29-го сентября (8-го октября), лондонскій кабинетъ приказалъ адмиралу Дундасу предупредить русскаго адмирала въ Севастополѣ, что англій-

скій флотъ будетъ защищать территорію Турціи противъ всякаго покушенія Русскихъ высадить на нее свои войска или всякаго другого враждебнаго противъ нея дѣйствія нашего флота. Приказаніе это было исполнено гораздо позже, только послѣ Синопскаго сраженія. Однако, въ концѣ сентября, барону Брунову было заявлено лордомъ Абердиномъ, что хотя онъ и успѣлъ не допустить немедленнаго вступленія англійскаго флота въ Черное море, но всякая попытка Русскихъ противъ какого бы то ни было турецкаго порта немедленно будетъ имѣть послѣдствіемъ принятіе этой мѣры. 15-го (27-го) октября Кларендонъ сообщилъ депешей Сеймуру, что англійской эскадрѣ поручено защищать турецкую территорію и не допускать нападенія на нее со стороны нашихъ морскихъ силъ. Само собою разумѣется, императорскій кабинетъ не призналъ правъ Англіи на такую вопіющую защиту нашего непріятеля безъ объявленія войны.

Несмотря на протесты русской дипломатіи, лордъ Абердинъ остался непоколебимъ въ установленномъ имъ принципѣ, что Англія, безъ объявленія войны Россіи, принимаетъ на себя защиту турецкой территоріи противъ всякаго нападенія на нее русской эскадры.

Итакъ, немедленно по объявленіи Турціею войны Россіи, Англія, а за нею и Франція наложили на Черноморскій флотъ ограниченіе ея правъ воюющей державы, предоставляя ей пользованіе этимъ правомъ только на сухомъ пути...

Но Россія, въ то время, не имѣла въ виду воспользоваться немедленно этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ лондонскихъ торгашей. Петербургскій кабинетъ объявилъ, что, насколько возможно, онъ ограничится одною обороною. По мнѣнію тогдашняго намѣстника Царства Польскаго, оборонительное положеніе представляло намъ слѣдующія выгоды: *«мы не поспоримся съ Европою, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, коихъ результаты могутъ быть для насъ выгодны... никто нынѣ въ Европѣ не хочетъ войны, а наше положеніе, между прочимъ, день ото дня дѣлается лучше»*.

Не смотря на появленіе союзныхъ флотовъ въ Босфорѣ, не смотря на извѣстныя намъ посылки, въ громадныхъ размѣрахъ, всякаго рода оружія изъ Англіи и изъ Франціи въ Турцію *), не смотря на присутствіе безчисленныхъ французскихъ офицеровъ не только въ арміи Омеръ-паши, но и во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ по Дунаю,—у насъ еще не принимались никакія серьезныя мѣры къ отпору столь явно грозившей намъ опасности со стороны западныхъ державъ. Выставленныхъ нами силъ далеко не было достаточно даже противъ одной Турціи, а мы все еще увлекались немыслимою надеждою на миролюбіе Европы и, вмѣсто того, чтобы вооружаться, продолжали переговариваться! Западные державы охотно поддавались этой благодушной наклонности нашей въ полной увѣренности, что, рано или поздно, турки принудятъ насъ выйти изъ нашего предвзятаго долготерпѣнія, вызвавъ съ нашей стороны необходимость какого-нибудь энергическаго дѣйствія, и такимъ образомъ осуществлять программу, преподанную парижскимъ кабинетомъ своему представителю въ Константинополѣ. «Мнѣ не нужно повторять вамъ, м. г., — писалось изъ Парижа — что въ высшей степени необходимо оставить петербургскому кабинету *всю отвѣтственность за починъ нападенія. Только въ этомъ случаѣ покажется вполне законною и дѣйствительною поддержка, которую мы намѣрены оказать Портѣ. Только въ этомъ случаѣ, мы покажемся защитниками въ духѣ своемъ нарушеннаго трактата 1841 года и оплотами европейскаго равновѣсія... Дѣло, за которое мы вооружились, окажется дѣломъ всего міра и общественное мнѣніе, какъ и кабинеты, станутъ на нашу сторону*»!.. Возможно ли болѣе наглымъ образомъ высказать, что всѣ эти пресловутыя «великія идеи», коими дѣйствительно мотивировалось впослѣдствіи объявленіе войны Франціею

*) На *всѣхъ* отбитыхъ нами при Башъ-Кадыкларѣ турецкихъ ружьяхъ было французское клеймо, а на отбитыхъ тамъ 24-хъ орудіяхъ, также какъ и на безчисленныхъ ящикахъ и на сѣдлахъ регулярной кавалеріи—англійскія клейма (*отъ очевидцевъ*).

Россіи, были не что иное, какъ предлоги и ловушки, имѣвшія цѣлью дурачить общественное мнѣніе и кабинеты Европы призрачною личиною «законности»...

Такова была со стороны Франціи цѣль продолженія переговоровъ о мирѣ, а петербургскій кабинетъ все еще льстилъ себя надеждой, что его «положеніе, день ото дня, оказывается лучше»! Эти надежды внутри Россіи сказывались самою немыслимою безпечностью: мы довольствовались мобилизаціею двухъ корпусовъ; не имѣя никакой правильной системы резервовъ, мы не думали усилить наличнаго состава арміи новымъ наборомъ, мы не думали даже запасаться порохомъ и другими боевыми потребностями, въ коихъ у насъ уже тогда предвидѣлся недостатокъ! Въ самой Турціи, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, у насъ оказалось въ строю не болѣе 55,000 человѣкъ, растянутыхъ на огромномъ протяженіи отъ устьевъ Дуная до Малой Валахіи, а у Омеръ-паши было въ Придунайской Болгаріи уже до 130,000 человѣкъ, и съ трехъ частей свѣта безпрестанно прибывали къ нему подкрѣпленія, вооружаемыя Англіею и Франціею. Еще отчаяннѣе было наше положеніе на азійтской границѣ: намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, доносилъ, что онъ можетъ выставить противъ Турціи не болѣе четырехъ батальоновъ, и хотя съ тѣхъ поръ подоспѣла къ нему на подкрѣпленіе 13-я дивизія, — часть ея немедленно была распредѣлена не по границѣ, а по нашимъ оборонительнымъ линіямъ съ горами, отъ которыхъ, подъ вліяніемъ дѣятельной пропаганды турецкихъ эмисаровъ, особенно въ доступныхъ имъ съ моря горахъ западнаго Кавказа, можно было ожидать скорого усиленія набѣговъ на наши владѣнія.

Въ виду угрозы въ письмѣ Омеръ-паши русскому главнокомандующему, пришлось: озаботиться охраненіемъ всего теченія Нижняго Дуная и придвинуть къ предстоявшему театру войны часть расположенной у Измаила рѣчной флотиліи, подъ командою контръ-адмирала Мессера. На пути отъ Измаила къ Галацу флотиліи предстояло пройти подъ огнемъ праваго берега Дуная, вооруженнаго

сильною артиллерією, на разстояніи отъ Тульчи до Исакчи. Турецкими работами руководилъ въ этомъ мѣстѣ французскаго генеральнаго штаба полковникъ Маньянъ, который, въ упоеніи отъ призрачнаго успѣха своихъ трудовъ, донесъ, что «мимо Исакчи не пролетитъ и птица безъ его позволенія». Слухи о силѣ береговыхъ укрѣпленій Исакчи побудили русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, приказать, чтобы движеніе нашей флотиліи производилось не иначе, какъ ночью. Но, по убѣжденію всѣхъ опытныхъ моряковъ, приказаніе это не соотвѣтствовало техническимъ условіямъ дѣла. Самъ начальникъ готовившейся экспедиціи, капитанъ-лейтенантъ А. Ф. Варпаховскій, просилъ о разрѣшеніи ему пройти не ночью, а днемъ. Какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Шестаковъ, «внезапности въ этомъ случаѣ быть не могло. Шумъ колесъ и искры пароходовъ открыли бы ихъ во-время; слѣдовательно, темнота увеличила бы только невыгоды съ нашей стороны, подвергая флотилію опасности плаванія по узкой, извилистой рѣкѣ». Это соображеніе было тѣмъ болѣе основательно, что, какъ слѣдовало ожидать, у турокъ были наведены заблаговременно всѣ орудія на извѣстный имъ узкій фарватеръ Дуная. Командовавшій въ Измаилѣ генераль Лидерсъ разрѣшилъ испрашиваемое моряками отступленіе отъ буквы приказанія главнокомандующаго.

Въ составъ этой опасной экспедиціи входили: два парохода — *Прутъ*, вооруженный четырьмя 36-ю-фунтовыми коронадами, *Ординарецъ* — четырьмя, и 8 канонирскихъ лодокъ съ двадцатью четырьмя 24-хъ-фунтовыми пушками и четырьмя фальконетами. Для прикрытія машинъ отъ выстрѣловъ, у самыхъ бортовъ пароходовъ было на буксирѣ шесть лодокъ. Въ видѣ диверсіи, были выставлены у Сатунова четыре батарейныя орудія. Опасность движенія еще увеличивалась: медленностью хода — въ $2\frac{1}{2}$ узла — пароходовъ, буксировавшихъ непосильное имъ число лодокъ, и вѣтромъ, закрывавшимъ дымомъ всѣ непріятельскія батареи, тогда какъ мачты пароходовъ, даже и безъ заблаговременной наводки непріятельскихъ орудій, всегда представляли имъ вѣрную цѣль.

Въ 8¹/₂ часовъ утра, 11-го (23-го) октября, голова нашей колонны показалась въ виду турецкихъ батарей. Въ самомъ началѣ боя, храбрый Варпаховскій былъ убитъ ядромъ на кожухѣ парохода. Не смотря на потерю главнаго начальника, не смотря на учащенный, адскій огонь стоявшихъ за укрѣпленіями 27-ми орудій огромнаго калибра, — въ 10 часовъ утра наша флотилія вышла изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Мы потеряли всего: убитыми—одного офицера и 14 нижнихъ чиновъ, ранеными—5 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ. Вслѣдствіе нашего огня, городъ Исакча загорѣлся, укрѣпленный лагерь, подъ крѣпостью, почти совершенно разрушенъ и занимавшія его войска разбѣжались...

Черноморскимъ морякамъ осталось утѣшеніе, что *первая* кровь, пролитая въ войнѣ 1853 года, текла въ жилахъ собрата по оружію.

Удивительно, что о придвиженіи нашей флотиліи къ Галацу никто не подумалъ, въ продолженіи нашего семимѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, до полученія письма Омеръ-паши, извѣщавшаго о неминуемомъ открытіи военныхъ дѣйствій!

Девять дней спустя, 20-го октября, турки имѣли случай оцѣнить по достоинству, какъ великъ былъ подвигъ флотиліи Варпаховскаго. Пользуясь густымъ туманомъ, нѣсколько турецкихъ судовъ съ пароходомъ пытались спуститься отъ Рущука внизъ по Дунаю. Но всего *четыре* русскихъ *полевыхъ* орудія, *не прикрытыя никакими укрѣпленіями*, принудили ихъ отказаться отъ этой попытки.

Наконецъ, 23-го октября (4-го ноября), состоялось славное для нашихъ войскъ, но почти непостижимое по оплошности общихъ распоряженій, Ольтеницкое сраженіе. Наши охотники уже были во рву укрѣпленій; Турки уже свозили съ ретраншементовъ орудія до такой степени поспѣшно, что *не могли преслѣдовать своимъ огнемъ наше отступленіе*; турецкая пѣхота и кавалерія уже бросились къ Дунаю—какъ вдругъ начальникъ отряда, генералъ Даненбергъ, сообразилъ, что, даже и по занятіи укрѣпленій, намъ

нельзя будетъ оставаться въ нихъ, такъ какъ ихъ обстрѣливали съ праваго берега крѣпость Туртукай и батареи!

Между тѣмъ, наканунѣ была сдѣлана рекогносцировка всей этой мѣстности!

Характеристично для тогдашней эпохи было и то, что вся неудача Ольтеницкаго дѣла вызвала замѣчанія только насчетъ пагубности отступленій отъ *Воинскаго Устава*, особенно насчетъ несоблюденія установленныхъ дистанцій между линіями, что и было «поставлено на видъ» Даненбергу съ подтвержденіемъ всѣмъ начальникамъ частей: «впредь держаться въ точности тактическихъ правилъ, утвержденныхъ Уставомъ»...

Ольтеницкая неудача была для насъ фактомъ тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что мы имѣли дѣло и съ турецкою ложью, и съ предвзятою ненавистью западной Европы, всегда готовою эксплуатировать эту ложь въ смыслѣ униженія всего русскаго, злорадствовать нашей неудачѣ и пользоваться ею, чтобы забрасывать грязью русское знамя и русскаго солдата! Ольтеницкое сраженіе было ославлено въ цѣлой Европѣ пораженіемъ на-голову русской арміи, будто бы, постыдно бѣжавшей отъ Турокъ; еще недавно Турки гордились имъ какъ доказательствомъ ихъ яко бы несомнѣннаго боевого превосходства надъ Русскими—что, какъ извѣстно, сильно способствовало въ 1876—77-мъ годахъ развитію въ Туркахъ военнаго задора, оказавшагося гибельнымъ для нихъ же...

Къ счастью, на противоположной оконечности театра войны, въ Азіи, наши кавказскіе богатыри, руководствуясь единственно своею боевою опытностью и вовсе не думая о соблюденіи высокочѣнныхъ тогда на Дунаѣ «правилъ *Воинскаго Устава*», то и дѣло поражали Турокъ. Правда, пока на границѣ нашей, за неполученіемъ свѣдѣній объ объявленіи войны, еще не были приняты необходимыя предосторожности, огромныя полчища Турокъ, въ ночь на 16-ое октября, напали врасплохъ на стоявшій въ мирномъ положеніи пограничный постъ Св. Николая, занятый всего 225-ю чело-
вѣками линейнаго баталіона, при двухъ орудіяхъ. Овладевъ

этимъ постомъ, несмотря на геройскую защиту ничтожнаго числомъ гарнизона, Турки замучили іеромонаха Серафима, служившаго молебень во время битвы, и предались надъ остальными плѣнными всѣмъ ужасамъ, присущимъ ихъ звѣрскимъ инстинктамъ, въ которыхъ о пресловутомъ «магометанскомъ фанатизмѣ», конечно, столько же можетъ быть рѣчи, какъ если бы говорилось о «фанатизмѣ» сорвавшагося съ цѣпи тигра или барса...

Какъ въ Азіи, такъ и на Дунаѣ Турки начали военныя дѣйствія до срока, назначеннаго *Омеръ-нашей* въ его письмѣ князю *Горчакову*.

Но ни вѣроломство, ни звѣрскія неистовства Турокъ на посту Св. Николая не вызвали ни малѣйшаго негодованія въ просвѣщенной и христіанской Европѣ.

Напротивъ: лицемѣрная Англія—миссіонеры и правоучительныя книги которой проповѣдуютъ, будто православіе лишено «основной мысли христіанства», поэтому «необходимо сперва *охристіанить самихъ христіанъ Сирійскихъ*, а потомъ уже язычниковъ *)—съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о неистовствахъ на посту Св. Николая какъ доказательство «геройства» Турокъ и «малодушія» Русскихъ, «не отразившихъ штурма на защищаемую ими *крѣпость*».

Попытки Турокъ совершить подобные же подвиги по долиנѣ Арпачая побудили князя Бебутова, только что замѣстившаго князя А. И. Барятинскаго въ командованіи собранными у Александрополя войсками, выслать вверхъ по Арпачаю всего шести-тысячный отрядъ съ 28-ю орудіями, подъ начальствомъ князя Орбеліани. Отрядъ шелъ противъ всѣхъ «правилъ *Воинскаго Устава*», даже безъ авангарда, съ пѣхотою и батарейными батареями впереди, а кавалеріею съ конною артиллеріей сзади, въ прикрытіи обоза, по волнистой мѣстности, пересѣченной болотистыми канавами,—какъ вдругъ, верстахъ въ десяти отъ Александрополя, у селенія Баян-

*) См. *Русскій Архивъ* 1878 г., № 7.